

Е. П. НАУМОВ

К ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ И СЕРБСКОЙ ПРОНИИ

Как известно, различные проблемы истории пронии, столь интенсивно разрабатывавшиеся особенно в литературе двух последних десятилетий¹, все еще вызывают немало разногласий в истолковании источников, а эти споры и полемика в свою очередь приводят к некоторым уточнениям в оценке роли и значения пронии в феодальном строе Византии, Сербии и сербо-греческих княжеств, а также венецианской Зеты. В то же время, пожалуй, в историографии намечается и заметная диспропорция, обусловленная исследованием пронии преимущественно в самой Византии и венецианской Зете. Между тем соответствующим материалам, относящимся к территории Сербской державы Неманичей и образовавшихся после ее распада отдельных сербо-греческих государств, уделяется гораздо меньше внимания, хотя они позволяют выявить новые, фактически почти еще не использованные свидетельства о судьбах пронии, а тем самым способствуют уточнению общей картины развития и распространения данного феодального института в различных государствах Балканского полуострова.

В данной связи следует прежде всего коснуться вопроса о существовании византийской пронии на рубеже XIII и XIV вв. в тех областях Северной и Центральной Македонии, которые были присоединены в конце XIII в. сербским королем Стефаном Урошем II (Милутином). Рассмотрение этого вопроса тем более важно, что рубеж XIII и XIV вв. был связан с заметными изменениями во всей политической структуре Сербского государства². Именно в начале XIV в. в сербских источниках появляются новые термины для обозначения феодальных земельных владений (баштина и прония), впервые зафиксированные в грамоте Милутина Георгиевскому монастырю возле Скопье (1300). В литературе уже было достаточно обстоятельно показано, что преобладающей формой светского феодального землевладения в Сербии была баштина, т. е. вотчина, наследственная полная земельная собственность. Нам известно, что правители Сербии давали светской знати также и условные земельные владения — пронии; этот институт, как и сам термин, заимствован был из Византии.

¹ См., например: Г. Острогорски. Пронија. Београд, 1951; А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952; G. Ostrogorski. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954; А. Hohlweg. Zur Frage der Pronoia in Byzanz. — ВЗ, 60, 1967; К. В. Хвостова. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). М., 1968; G. Ostrogorsky. Die Pronoia unter den Komnenen. — ЗРВИ, т. 12, 1970; «Историја Црне Горе», кн. 2, т. 2. Титоград, 1970, стр. 172, 181—184 (автор раздела Ив. Божич).

² Ср. В. А. Мошин. Византиски утицај у Србији у XIV веку. — «Југословенски историски часопис», т. III, 1937, стр. 151—158.

Однако наряду с этими верными заключениями и общей характеристикой основных черт баштины и пронии в Сербской державе Неманичей, в историографии встречаются и положения, оставляющие все еще не вполне ясными причины появления проний в аграрной системе Сербии и реальное соотношение их с византийскими феодальными институтами. Так, в своей монографии о судьбах пронии Г. А. Острогорский писал, что после завоевания Македонии Неманичами или даже, возможно, «гораздо раньше» система проний «проникла в Сербское государство», более того, она «распространилась и на сербские области, отвечая нуждам феодального Сербского государства»³.

В другом случае Острогорский относил этот вывод и к Болгарии, замечая, что «из Византии система пронии перешла в славянские страны Балканского полуострова, потому что эта система отвечала условиям и потребностям феодального строя в этих землях»⁴.

Между тем имеющиеся источники, как нам кажется, не служат бесспорным подтверждением таких выводов, в особенности тезиса о появлении проний в Сербии задолго до 1300 г. (чуть ли не с середины XII в.)⁵. Поэтому, прежде чем обратиться к сербским памятникам (в первую очередь — к Георгиевской грамоте 1300 г.), мы должны четко сформулировать цель исследования. Действительно ли пронии в этот период (в конце XIII — первой половине XIV в., когда совершались сербские завоевания византийских областей) встречаются как остатки византийского военного и социального строя или же, напротив, на этом этапе их существование и распространение уже соответствовало нуждам и потребностям сербской государственности? Здесь вполне закономерно возникает вопрос, каким именно потребностям сербского феодального строя могла послужить прония, т. е. военное феодальное владение или держание (иногда, видимо, скорее подобие кормления), если сербские баштинники, как известно, были обязаны нести военную службу под знаменами своего сюзерена⁶.

Сербский историк С. Новакович, например, видел различие баштины и пронии в том, что первая была наследственным военным имением, а вторая — личным, не наследственным военным имением⁷.

Разумеется, можно понять, что, исходя из таких представлений о баштине и пронии, Новакович делал вывод, будто король Милутин их «ввел в сербские учреждения с намерением лучше организовать и укрепить сербское войско»⁸. Возможно, приведенные выше высказывания Г. Острогорского о соответствии пронии неким нуждам сербской государственности имеют основой именно эту точку зрения Новаковича. Однако аргументация последнего, как показывают имеющиеся источники и новейшая литература (в том числе и сама монография Острогорского о пронии), не выдерживает критики.

Не говоря уже о том, что тезис Новаковича о принадлежности баштины к военно-государственной организации Болгарского царства не подкрепляется никакими болгарскими свидетельствами (ввиду почти полного отсутствия таких грамот), следует подчеркнуть, что Г. Острогорский подробно осветил судьбы пронии в поздней Византии, убедительно показав, что уже при Михаиле VIII Палеологе (1259—1282) пронии стали *наследственными* владениями византийских аристократов⁹. Иными словами,

³ Г. Острогорски. Пронија, стр. 128.

⁴ Там же, стр. 127.

⁵ Ср. В. Чубрилович. Око проучавања средњовековног феудализма. — «Историски часопис», кн. III, 1952, стр. 196.

⁶ См., например, ст. 42 Законника Стефана Душана.

⁷ С. Новаковић. «Баштина» и «болар» у југословенској терминологији средњег века. — «Глас Српске Краљевске Академије», XCII (54), 1913, стр. 229.

⁸ Там же.

⁹ Г. Острогорски. Пронија, стр. 62—63, 70—75, 88—91.

это говорит о том, что при наличии баштины в Сербии прония оказывалась ненужной и непривычной именно в качестве наследственного военного владения. Столь же излишней в данном смысле была, быть может, прония и в качестве кормления, невоенного держания, так как в державе Неманичей существовала уже в это же время собственная форма владения для подобной цели — так называемая «держава», которая так же, как баштина и прония, впервые упоминается в Георгиевской грамоте Милутина (1300 г.).

Все это заставляет обратиться вновь к рассмотрению этого чрезвычайно обширного и интересного документа. Проанализируем данные грамоты о пронии с тем, чтобы установить, действительно ли встречающиеся в контексте этой грамоты термины «прония» и «прониар» соответствуют реальной обстановке сербского управления в данных районах Северной Македонии или же они служат лишь остатком прежних византийских привилегий, полученных Георгиевским монастырем и подтвержденных Милутином. Сразу же заметим, что названные термины встречаются в тексте грамоты лишь в разделе, посвященном подтверждению прав собственности монастыря на село Речице (в области Полог), которое было даровано монастырю и закреплено за ним несколькими византийскими императорами, болгарскими царями и сербскими королями¹⁰. Как нам кажется, это обстоятельство следует особенно учитывать при истолковании следующих постановлений, относящихся ко всему селу Речице и к отдельным частным владениям, которые были присоединены к селу королем Милутином.

Так, этот щедрый даритель передал монастырю надел мелкого землевладельца Драготы, поскольку «Драготино место в Речицах оказалось царской пронией, а не баштиной Драготиной». В соответствии с этим тогдашний держатель этих земель Манота, зять Драготы, стал подданным обители, ее вассалом — «войником», так как, вновь подчеркивает в грамоте Милутин, «его (т. е. место Драготы. — *Е. Н.*) нашло королевство мое в старых хрисовулах (в качестве) царской пронии, а не [как] драготину баштину»¹¹. Мы, следовательно, можем констатировать прежде всего, что речь идет не о прониях и прониарах уже сербского (а не византийского) происхождения, а о прослеживании прав собственности в Положской области по старым византийским актам. Иными словами, данные определения Милутина еще не дают основания согласиться с мнением Г. А. Острогорского, который считает Драготу и его зятя Маноту прониарами, точно так же как и Маноту (уже после передачи этого надела монастырю) — монастырским прониаром¹². Заметим в данной связи, что в грамоте вовсе не говорится о наделении Маноты пронией со стороны Георгиевского монастыря.

Более того, и Драгота не имел пронии во времена византийской власти в Македонии, поскольку в грамоте говорится не о Драготиной пронии, а о «царской пронии». Подлинный смысл этих слов выясняется, на наш взгляд, при сопоставлении с другим разделом грамоты, где снова фиксируются права монастыря на село Речице. «И соединило королевство мое — гласит грамота, — [его] со всеми стасями (т. е. землями Драготы и Маноты, как и другого «войника» Калогеоргия. — *Е. Н.*), пусть его держит святой Георгий (т. е. монастырь. — *Е. Н.*) невозбранно, а отसेле и до века пусть не вступит иной прониар в Речице, кроме св. Георгия. И в Речицах пусть не будет эксоприка (т. е. передачи земли в приданое «на сторону»). —

¹⁰ *Р. Груйич*. Три хиландарске повеље. «Зборник за историју Јужне Србије и суседних области», књ 1. Скопље, 1936, стр. 14—15.

¹¹ Там же, стр. 15 («царска прония а не баштина Драготина», «царске проние а не Драготиноу баштину»).

¹² *Г. Острогорски*. Пронија, стр. 127—131.

Е. Н.), и пусть не продается вовне нива или виноградник». После указания штрафа за нарушение этого повеления мы читаем далее в грамоте: «Так же [пусть будет] и по всем селам церковным в Водне и в Нерезях, поскольку [это] церковная прония, а не чья-то баштина»¹³.

Данное постановление, по нашему мнению, необычайно важно. Здесь мы вновь находим противопоставление баштины и пронии, но на этот раз уже «церковной». Это обстоятельство тем примечательнее, что оно подкреплено формулой запрета вступления какого бы то ни было прониара, кроме «св. Георгия»; таким образом, Георгиевский монастырь приравнен здесь к прониару.

Между тем для понимания формулировок грамоты об «ином прониаре» и «церковной пронии», оставленных Г. А. Острогорским без пояснений¹⁴, весьма уместно напомнить о том, что грамотой короля Милутина названные селения (Речице, Водно и Нерези) были пожалованы Георгиевскому монастырю в *полную собственность*, но вовсе не в качестве пронии¹⁵. Если же к этому прибавить и приведенное выше выражение данной грамоты «царская прония», т. е. в буквальном значении (по аналогии с «церковной пронией», т. е. пронией церкви, полученной церковью) — прония, принадлежащая самому византийскому царю, мы, скорее всего, должны будем признать, видимо, несостоятельность и недостаточность приводившихся в литературе толкований этих сведений грамоты 1300 г. о «царской» и «церковной пронии» и «прониаре».

В данном случае, по нашему мнению, разгадка этих непонятных, если применить обычное истолкование, формул заключена в следующем. Обращавшиеся к тексту Георгиевской грамоты исследователи (С. Новикович, Г. Острогорский и др.) расценивали и понимали встречающиеся в ней термины «прония» и «прониар» только в том смысле, какой уже установился и стал общепотребительным в историографии, т. е. в смысле особого феодального аграрного института, своеобразной разновидности условного землевладения, присущей лишь Византии и некоторым славянским странам Балканского полуострова. Но в реальной действительности поздней Византии и в источниках той поры термин «прония» не всегда имел столь узкое и конкретное значение; напротив, его содержание нередко было «значительно шире»¹⁶. Так, в своем исследовании Г. А. Острогорский сам привел примеры «неточности в терминологии» поздневизантийской феодальной системы, которые свидетельствуют, что именно в церковных и монастырских документах второй половины XIII — начала XIV в. термин «прония» (и его синоним «экономия») идентичен «имению», «владению» (τὸ κτήμα), поэтому ввиду такой взаимозаменяемости слов в актах появляются «странные» выражения, вроде «церковные пронии» и т. п.¹⁷

Таким образом, и в Георгиевской грамоте 1300 г. слово «прония» означает вовсе не специфически византийскую форму условной собственности, заимствованную также сербским феодальным строем, а только обычное земельное владение, т. е. соответственно приведенным выше выдержкам — «царскую собственность» (или имение), «церковную собственность» (применительно к Речице, Водно и Нерези). Точно так же и термин «прониар» в данном тексте равнозначен «собственнику» (поэтому так именуется в грамоте монастырь св. Георгия), но не держателю условного военного земельного владения.

¹³ Р. Груйич. Указ. соч., стр. 16.

¹⁴ Г. Острогорски. Пронија, стр. 131—132.

¹⁵ Р. Груйич. Указ. соч., стр. 12 (Водно, Нерези), 14 (Речице).

¹⁶ К. В. Хвостова. Указ. соч., стр. 221.

¹⁷ Г. Острогорски. Пронија, стр. 69—70 (прим. 212), ср. стр. 172.

Следовательно, данную грамоту, по нашему мнению, нельзя рассматривать как свидетельство существования проний (как особого феодального института) в присоединенных Сербией районах Северной Македонии и других областях Сербии не только в начале XIV в., но и, естественно, даже ранее.

По всей видимости, даже применительно к присоединенным Милутином районам византийской Македонии можно утверждать, что там число проний значительно уменьшается (если они не исчезают вовсе) вследствие раздачи земель (проний, баштин) греческих феодалов сербскими королями своим вассалам, церкви и монастырям¹⁸. Этот процесс перераспределения земельной собственности, упрощения и приспособления византийской системы землевладения к сербскому аграрному строю, как нам представляется, не дает оснований принять вывод Острогорского, будто на этой территории сербское правительство, обнаружив имущества прониаров «и не меняя существующего порядка [вещей], принимает и легализует унаследованную систему византийского землевладения»¹⁹. Известно, что при завоевании королем Милутином Северной Македонии были «прогнаны» те «зломысленные и лукавые властели державы греческой», которые находились прежде в этих областях²⁰, и среди них, разумеется, было немало прониаров. Но даже немногочисленные упоминания прежних «прониаров» (лишь в нескольких грамотах Стефана Дечанского и Душана), использованные в книге Острогорского, точно так же не служат свидетельством в пользу тезиса о сербской прониции, как и рассмотренные нами данные грамоты 1300 г.²¹

Более того, не вызывает сомнений и то обстоятельство, что те селения, которые когда-то держали некие прониары (таковы обычно соответствующие формулы, а в грамоте о дарениях Хрели прямо названы «прониары греческие»), преимущественно находились на бывшей византийской территории: в Призренской и Положской областях, а также в районе Струмицы. Иными словами, скупые замечания грамот о прежних владельцах прониарах, не сопровождающиеся пояснениями об их принадлежности и давности их прав, дают основания и для истолкования их в качестве повторения, подтверждения прежних византийских привилегий, включавших и освобождение церкви и монастырей от вмешательства чиновников и прониаров (наподобие того, как это указано и в грамоте Душана охридскому монастырю Богородицы Перивлепты, ок. 1345 г.)²², либо в качестве указания на принадлежность сел и земель византийским прониарам.

В соответствии с этим, на наш взгляд, первым неопровержимым доказательством существования *сербской* прониции как реального компонента феодального строя в державе Неманичей (а не какого-то остатка византийских привилегий и прежних владельческих прав) следует, вероятно, признать только грамоту царя Стефана Душана о земельных пожалованиях Святостефанской (Баньской) обители (1346).

Здесь так же, как и в грамотах первой трети XIV в., речь идет о *бывших* прониях, однако уже, скорее всего, о *сербских* прониарах, вассалах Душана, державших эти селения вплоть до 1346 г., т. е. непосредственно перед актом дарования названных в документе сел Баньскому монастырю.

¹⁸ Ср., например: *Р. Грујић*. Указ. соч., стр. 8—9, 13 (земли Верихи, Апокавка и Леуна, как и названного выше Маноты и Калогеогрия).

¹⁹ *Г. Острогорски*. Пронија, стр. 128.

²⁰ *Архиеп. Данило и други*. Животи краљева и архиепископа српских. Загреб, 1866, стр. 109.

²¹ См. *Г. Острогорски*. Пронија, стр. 137—139.

²² *С. Новаковић*. Законски споменици српских држава средњег века. Београд, 1912, стр. 673; ср. *В. Мошин*. Указ. соч., стр. 151 (о механическом повторении византийских терминов в сербских актах XIV в.).

Так, согласно этому источнику, Душан подтвердил за Баньским монастырем несколько ранее данное им «село Кичиче с межами и со всеми правами села того, как держали прежде проиары — прежде пожалования царства моего [этой] церкви». И далее текст гласит: «И еще царство мое даровало в Плаве (Плавской области. — *Е. Н.*) село Улотино с межами и . . . всеми правами села того и с планиной и с ливадами, как держали проиары. . .»²³. Разумеется, и в этом случае можно было бы, пожалуй, предполагать, что перед нами снова появляются владения, которые уже давно не были прониями, поскольку здесь не указаны (забыты?) имена проиаров.

Между тем такое предположение нам кажется малообоснованным и ввиду географического расположения упомянутых селений, которые сохранились до наших дней (село Кичиче — южнее Косовской Митровицы, а Улотина — в верхнем течении Лима, южнее Андриевицы). Иными словами, было бы совершенно невероятным сохранение византийских проиаров на южной кромке собственно сербских областей, граничивших с Византией только в конце XII в. до завоеваний Немани. Все это, вероятно, дает основание для вывода о том, что появление проний в самой Сербии (в отличие от Македонии и других греческих земель) следует связывать, скорее всего, с эпохой завоеваний Душана на юге и интенсивного внедрения византийских институтов и терминов в политическую структуру созданного им Сербо-греческого государства (40-е годы XIV в.)²⁴. Вместе с тем даже в этот период пронии, как нам кажется, еще не получили и не смогли получить значительного распространения в старых владениях Неманичей — Рашке и Зете; по-видимому, все же гораздо больше их было на чисто греческом юге империи Душана, хотя и там (по сравнению с эпохой Палеологов) произошло заметное сокращение их числа ввиду щедрых пожалований Душана в пользу церкви, афонских монастырей, равно как и его сподвижников из рядов сербской, греческой и албанской светской знати²⁵.

О том, что даже во время правления царя сербов и греков Душана прония оставалась фактически лишь второстепенным компонентом в феодальной аграрной системе его державы, вполне красноречиво свидетельствуют постановления изданного им Законника (1349). Не говоря уже о том, что прония в нем посвящена лишь одна статья (59-я, если не считать постановлений ст. 68 и 106 о проиаре и проиаревиче), мы можем указать хотя бы на частое упоминание баштин на протяжении почти всего текста Законника, на то, что в эти годы стали правилом пожалования в баштину не только отдельных селений, но и целых областей (жуп)²⁶, наконец, на то, что наряду с баштиной и пронией существовала своеобразная разновидность феодального держания — так называемая «держава», т. е. пожалование центральной властью какому-то светскому феодалу округа или области в кормление, во временное управление. Эти постановления Законника, находящие подтверждение и в сохранившихся грамотах первой половины XIV в., показывают, что несомненное преобладание и численное превосходство оставалось, разумеется, за баштиной как наиболее распространенным видом феодальной собственности.

Кстати, даже названная ст. 59 Законника как будто указывает на то, что в имениях среднего (абстрактного) феодала прония служила только дополнением к его баштине, и поэтому тот, кто

²³ С. *Новаковић*. Законски споменици. . . стр. 631.

²⁴ К сходному выводу пришла и С. П. Боброва (К вопросу об условном землевладении в Сербии. — «Славянский сборник», I, вып. исторический. Воронеж, 1958, стр. 22).

²⁵ Ср. Г. *Острогорски*. Пронија, стр. 139—140.

²⁶ С. *Новаковић*. Законик Стефана Душана цара српског 1349 и 1354. Београд, 1898, стр. 83 и 102.

«не имел баштины», не мог ничего даровать церкви «от прониарской земли»²⁷.

В то же время, на наш взгляд, было бы опрометчиво полагать, что после распада Сербо-греческого царства даже в южных его областях сохранились в прежнем объеме пронии, дарованные вассалам Душана. Хаос феодальной анархии, ослабление центральной власти и образование новых уделов и государств на этой территории, столь ярко описанные Кантакузином, позволяют прийти к выводу, что пронии (как и церковные владения, государственные земли и светские вотчины) были обычно объектом земельных захватов светской знати (сербов, греков, албанцев), создававшей в 50-х — 60-х годах XIV в. обширные и фактически почти независимые сеньории.

Такое положение дел в бывшей Душановой «Романии», равно как и отсутствие прямых упоминаний прониаров в Серрском уделе царицы Елены и деспота Углеши (1356—1371), дает основание иначе охарактеризовать роль пронии в новом феодальном государстве, нежели это сделал Г. А. Острогорский. В самом деле, в соответствующем разделе своей монографии он, ссылаясь на общее положение о существовании пронии в Македонии (при Душане и Углеше) и, с другой стороны, на передачу (после 1371 г.) афонских имений *византийским* прониарам, заключает, что «войско Серрского княжества было, конечно, преимущественно прониарским», что вельможи Углеши и его брата Вукашина (всел?) были «прониарами»²⁸. Однако даже обращение к монографии Острогорского по истории пронии, где он приводит свидетельства сербских и греческих источников (в том числе и времен Углеши), не убеждает нас в правомерности данного вывода о *преобладании* проний в Серрском княжестве. Примечательно, что использованные здесь Г. Острогорским две грамоты Углеши (1369) очень бегло говорят лишь о неких (видимо, все-таки византийских) прониарах, которые вовсе не именуется вассалами Углеши²⁹. Поэтому единственным бесспорным доказательством существования (но не преобладания) проний и прониаров во владениях Углеши остается упоминание (опять-таки в очень общей форме) «прониара» в его грамоте монастырьку св. Архангела (близ Габрова, возле Драмы)³⁰.

Заметим, наконец, что преобладание проний в Серрском княжестве нам кажется вообще маловероятным именно потому, что ход исторического развития феодального строя в греческих землях бывшего Душанова царства (во второй половине XIV в.) привел к любопытной взаимосвязи пронии и секуляризационной политики. Как известно, наглядным выражением этого послужила передача византийским правительством (после крушения Серрского княжества) прониарам половины всех имений афонских монастырей в Восточной Македонии. Напротив, недолгая история Серрского княжества не оставила нам доказательств каких-то секуляризационных стремлений, создавая скорее впечатление, что могущество духовных феодалов (как и светских магнатов) осталось здесь непоколебленным, имея своим следствием слабость мелкого дворянства и центральной власти.

²⁷ С. Новаковић. Законик . . . , стр. 50. Кстати, судя по контексту данной статьи (ср. Г. Острогорски. Пронија, стр. 134), следовало бы здесь изменить интерпункцию, ограничивая первую часть статьи лишь запретом продажи и покупки пронии (статья гласила бы: «Пронию не волен никто ни продать, ни купить. Кто не имеет баштины, от прониарской земли не волен никто подложить под церковь» и т. д.). В пользу предлагаемой перестройки говорят, между прочим, и аналогичные построения сложных фраз и целых статей, начинающихся также местоимением «кто» или «и кто» (см. там же, статьи 10, 21, 46, 51, 52, 58, 70, 71, 72, 87, 89, 92, 93, 95—97 и др.).

²⁸ Г. Острогорски. Серпска област после Душанове смрти. Београд, 1965, стр. 63.

²⁹ Ср. Г. Острогорски. Пронија, стр. 143—144.

³⁰ С. Новаковић. Законски споменици . . . , стр. 751. Это свидетельство не приведено в книге Г. А. Острогорского о пронии.

Эти предположения, по нашему мнению, подкрепляются материалами о судьбах пронии в Эпирском княжестве (во второй половине XIV — начале XV в.), которые, к сожалению, практически остались вне поля зрения многих исследователей, обращавшихся к истории названного феодального института ³¹.

В данном случае мы хотим обратить внимание на то, что очень ярким примером секуляризации церковных имений и щедрых раздач проний явилась политика эпирского деспота Фомы Прелюбовича (1367—1384), весьма подробно (и с крайней злобой) обрисованная в Янинской (Эпирской) хронике ³².

Вот некоторые отрывки из этой хроники.

Уже вскоре после призвания (1367) деспота Фомы Прелюбовича жителями Янины Фома «выступил против церкви и изгнал ее пастыря» (митрополита Севастиана), «а принадлежащие церкви села и имения отнял и раздал сербам, бывшим с ним» ³³. Сопоставляя данное сообщение анонимного хрониста с последующими, мы видим, что этих отобранных Фомой земель Янинской митрополии (между прочим, тогда были секуляризованы еще не все ее владения) оказалось недостаточно для наделения верных вассалов Фомы (в числе которых, разумеется, были не только сербы, но и греки, албанцы и влахи).

Более того, мы можем убедиться в том, что Фома раздавал церковные земли именно в качестве пронии, и потому в правление Фомы в Эпире резко возрастают число и значение проний в системе феодального землевладения.

Недаром Эпирская хроника в перечне «богомерзких» и ненавистных новшеств внутренней политики Фомы называет не только новые налоги и поборы, разные ангарии, монополии, но и «пронию» ³⁴. Между прочим, наглядным доказательством того, что сербские сподвижники и воины Фомы получили от него церковные имения именно в пронию, является тот факт, что после убийства Фомы (1384) они обратились к новому деспоту, Исаву Буондельмонти, с просьбой подтвердить их владельческие права. Но «тогда (в 1386 г. — *Е. Н.*) деспот Исав, будучи христоролюбивым, не последовал советам сербов, когда они заставляли его, чтоб оставил за ними церковные имущества и париков», а избрал нового митрополита, вероятно, вернув ему одновременно и секуляризованные при Фоме (в 1367—1368 гг.) земли ³⁵.

Вместе с тем заслуживает особого внимания и другое сообщение хроники, говорящее не только о названной раздаче земель митрополии сербским феодалам в качестве проний, но как будто и об определенных колебаниях Фомы и изменениях его политики по отношению к этим прониарам, возможно, связанных уже с привлечением Фомой турецких наемников. Так, в разделе, относящемся к 1380—1381 гг., указывается, что Фома — «сколько церковных париков [и] людей осталось от злодейств его, —

³¹ Так, эти свидетельства отсутствуют в монографии Г. А. Острогорского («Прония», стр. 141—142 — о пронии в Эпире по грамоте 1361 г.).

³² Ранее она ошибочно приписывалась мифическим авторам — монахам Комнину и Проклу (см. *L. Vranoussis. Deux historiens byzantins qui n'ont jamais existé: Comnènes et Proclus.* — «*Επετηρίς τοῦ Μεσαιωνικοῦ ἀρχείου*», t. 12, 1965, с. 23—29).

³³ Г. С. Дестунис. Историческое сказание инок Комнина и инок Прокла о разных деспотах Эпирских и о тирани Фоме Прелумбове Комнине, деспоте. СПб., 1858, стр. 11—12 (ср. А. I. Βρανουσσης. Τὸ Χρονικὸν τῶν Ἰωαννιῶων κατ' ἀνάγκη δόξαν ἐπιτομήν. — «*Επετηρίς τοῦ Μεσαιωνικοῦ ἀρχείου*», t. 12, 1965, с. 80).

³⁴ Г. С. Дестунис. Указ. соч., стр. 15.

³⁵ Г. С. Дестунис. Указ. соч., стр. 30—31; А. I. Βρανουσσης. Τὸ Χρονικὸν... с. 96. Следует отметить разночтение в определении церковной собственности — κτήματα καὶ παροίκια у Вранусиса, κτήματα καὶ προκίματα в изд. Дестуниса (стр. 31), тогда как в боннском издании — κτήματα καὶ ἐπαρχόντα; см. *Historia politica et patriarchica Constantinopoleos. Epirotica*. Bonnæ, 1849, S. 233. Следует особо отметить, кстати, что в изданном Л. Вранусисом «народном» сокращенном варианте

[он] их отнял от пронии сербов, но не предоставил [вернул] их церкви, а сам ими завладел»³⁶. Иными словами, мы вправе полагать, что часть бывших церковных земель, переданных прониарам-сербам, Фома отобрал; именно эти владения («парики его церкви»), вероятно, и были переданы им в 1382 г. новому митрополиту — Матвею³⁷.

Между тем остальные секуляризованные имения (как, возможно, после изгнания Фомой Матвея и возвращенные митрополиту земли) оставались во владении прониаров Фомы, как мы видели ранее, еще и в начале правления деспота Исава.

В то же время, естественно, используя приведенные выше сообщения о секуляризации земель Янинской митрополии и раздаче их в пронию (при Фоме Прелюбовиче), мы не должны забывать о том, что под пером анонимного автора (местного монаха) резкие перемены в системе светской феодальной собственности, начавшиеся после воцарения Фомы, выглядят гораздо менее конкретно и определено. Это заставляет нас предположить, что и другие мероприятия аграрной и социальной политики Фомы могут быть в известной мере также связаны с раздачей земель, так или иначе оказавшихся в руках деспота, в качестве проний. Не вызывает сомнений, что аграрная политика Фомы, проводившего курс широкого перераспределения феодального землевладения в Эпире, имела своей целью усиление политической и экономической мощи центральной власти и мелких феодалов (т. е. прониаров-сербов, как, разумеется, и местных дворян) и, тем самым, обуздание и подавление влиятельной светской и духовной знати Эпира (в том числе и путем конфискации и секуляризации ее владений).

Далеко не случайно, что уже в 1368 (или 1367) г. вслед за секуляризацией митрополичьих имений прошла первая волна репрессий Фомы против крупной знати Эпира, «благороднейших архонтов» (Константина Ватаци, Мирсиоанна и др.), завершившаяся бегством некоторых вельмож (в их числе, по словам хрониста, и сербских придворных эпирского деспота) и отпадением нескольких непокорных феодалов — Варды в крепости св. Доната, Иоанна Капсокавада в Араховице³⁸. Все же деспоту Фоме, опиравшемуся на мелких и средних феодалов, удалось удержать власть и продолжать свою прежнюю политику. Так, после страшной эпидемии и мора в Янине (1368) им была проведена серия новых мероприятий: «начал Фома выдавать вдов замуж за сербов и давать им в приданое владения и имущество местных жителей». Он приступил в то же время к ревизии кадастра, описанной следующим образом: «и сначала он объявил экалиммата (т. е. «вычеркнутые», выморочные земли. — Е. Н.), а потом и сирот лишил их собственного имущества»³⁹, в результате чего все эти земли, естественно, были переданы надежным приверженцам деспота (видимо, также и на правах пронии).

Любопытно в данной связи отметить, что в использованной П. Успенским Метеорской рукописи Янинской хроники содержится (в качестве своеобразного приложения) также повеление (*δρσιμός*) турецкого визирия Синан-паши вельможам Янины (1430), представляющее немалый интерес для истории проний в Эпире и сопоставлений пронии с османским тимаром⁴⁰. Это грозное послание, к сожалению, фактически не используе-

хроники указана совершенно другая дата гибели Фомы — май 1383 г. — вместо общепринятого 23 декабря 1384 г. (см. А. I. Βρανούσης. Τὸ Χρονικόν... , с. 94).

³⁶ А. I. Βρανούσης. Τὸ Χρονικόν... , с. 91, 103 (ср. Г. С. Дестунис. Указ. соч., стр. 24—25, где, как и в боннском издании, «прония» не имеет совершенно необходимого пояснения «сербов»).

³⁷ Г. С. Дестунис. Указ. соч., стр. 27; А. I. Βρανούσης. Τὸ Χρονικόν... , с. 93.

³⁸ Г. С. Дестунис. Указ. соч., стр. 12—13.

³⁹ Там же, стр. 14.

⁴⁰ Ср. Г. Острогорски. Прония, стр. 176; К. В. Хвостова. Указ. соч., стр. 208.

мое исследователями указанных проблем, наглядно свидетельствует не только о существовании пронии в Эпире накануне турецкого завоевания, но и о том, что турецкое правительство не усматривало тогда разницы между византийско-сербской пронией и османским тимаром. Так, Синан-паша, предлагая греческим и сербским вельможам Янины (капитану Стратигопулу, протостратору Воиславу, протасикриту Станице и др.)⁴¹ сдать ему город, обещал, между прочим, что после сдачи Янины «архонты, которые имеют тимары, будут опять-таки иметь их как свои вотчины (τὰ γουικά)»⁴².

Завершая рассмотрение данных свидетельств по истории поздневизантийской и сербской пронии, мы можем отметить, что они расширяют и дополняют известный уже исторической науке материал о развитии и распространении данного феодального института, равно как и о значении этого термина в различных средневековых памятниках⁴³.

⁴¹ Ср. К. *Журечек*. Историја Срба, т. II. Београд, 1952, стр. 147.

⁴² П. *Успенский*. Путешествие в Метеорские и Оссоолимпийские монастыри в Фессалии в 1859 г. СПб., 1896, стр. 427.

⁴³ Хотелось бы, кстати, привести и тот примечательный факт, что прония встречается и расшифровывается в недавно опубликованном налоговом трактате XI в., на что любезно указал нам Г. Г. Литаврин. Там говорится, что прониарское владение — это владение, «дарованное василевсом на срок жизни человека» (J. *Karayannopoulos*. Fragmente aus dem Vademecum eines byzantinischen Finanzbeamten. — «Polychronion», Festschrift Fr. Dölger. Heidelberg, 1966, S. 322, 56—57.